Стихотворенія
Ивана Никитина.

A.D.
1902
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА НИКИТИНА.

Stikhotvoreniia

СТИХОТВОРЕНІЯ

Nikitin, Ivan Savvich

ИВАНА НИКИТИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 8 октября 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

* *
*

Съ суровой долею я рано подружился:
Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ,
Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.

Но все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной, —
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачь нужды, оборванной и блѣдной,
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Мучительные дни съ безсонными ночами,
Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла!...

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я Бога,
Казался раемъ мнѣ пріютъ печальный мой,
Межъ тѣмъ безумная и пьяная тревога,
Горячій споръ и брань кипѣли за стѣной....

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши, —
И чувства лучшія, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной.

Я слышу надъ собой и приговоръ и судъ....
И стала пѣснь моя, пѣснь муки и восторга,
Съ людьми и съ жизнію меня мирившій трудъ, —
Предметомъ злыхъ остротъ, и клеветы, и торга....

ВЪ ЛѢСУ.

(ПОСЛѢ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ.)

Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый!
Пріими меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ,
Раскинувшихъ навѣсъ свой величавый
Надъ гладью свѣтлыхъ водъ и зеленью луговъ.

Какъ жаждалъ я, измученный тоскою,
Въ недугѣ медленномъ сгарая, какъ въ огнѣ,
Твоей прохладою упиться въ тишинѣ
И на траву прилечь горячей головою!

Какъ часто въ тягостномъ безмолвіи ночей,
Въ часы томительнаго бдѣнья,
Я вспоминалъ твой мракъ, и музыку рѣчей,
И птицъ веселый свистъ и пѣнье,

И дни давнишніе, когда свой скучный домъ
Я покидалъ, ребенокъ нелюдимый,
И, молча, въ сумракѣ твоемъ
Бродилъ, взволнованный мечтой невыразимой!

О, какъ ты былъ хорошъ вечернею порой,
Когда весь молніей мгновенно освѣщался
И вдругъ — на голосъ тучи громовой
Разгульнымъ свистомъ откликался!

И любо было мнѣ!... какъ съ существомъ роднымъ,
Съ тобой я всѣмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣснью, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

Тебя, могучаго, не измѣнили годы!...
А я, твой гость, съ лѣтами возмужалъ,
Но въ пламени страстей, средь мелочной невзгоды,
Тяжелой горечи я много испыталъ....

Ужасенъ этотъ ядъ! Онъ вдругъ не убиваетъ,
Не поражаетъ, какъ небесный громъ:
Онъ сушитъ мозгъ, въ составы проникаетъ,
Жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ!

Паду ль я, этимъ ядомъ пораженный,
Утративъ крѣпость силъ и пѣсенъ скромный даръ,

Иль новыхъ думъ и чувствъ узнаю свѣтъ и жаръ,
Въ горнилѣ горя искушенный, —

Богъ вѣсть, что впереди!... Теперь, полубольной,
Я вновь подъ сѣнь твою, лѣсъ сумрачный, вступаю
И слушаю привѣтный говоръ твой,
Тебѣ мою печаль, какъ другу, повѣряю!...

---

* *
*

(отрывокъ.)

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ.
Пожаръ зари надъ нимъ краснѣетъ,
Во влажной почвѣ листъ сухой
Безъ звука тонетъ подъ ногой.
Недвижны сосны. Сонъ ихъ чудный
Такъ полонъ грезъ. Едва, едва
Примѣтна неба синева
Сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной
Покрыла цѣпкая трава
Сухое дерево. Грозою
Оно на землю свалено
И до корней обожжено.
Тропинка черной полосою

Лежитъ въ травѣ. По сторонамъ
Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
Порою вѣтеръ шаловливый
Разбудитъ листья, слышенъ шумъ,
И вдругъ все стихнетъ — и на умъ
Приходятъ сказочныя дивы.
Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ
И, мнится, видишь яркій блескъ
Двухъ яркихъ глазъ... Одно мгновенье —
И все пропало. Вотъ рѣка.
Въ зеленой рамѣ лозняка
Ея спокойное теченье
Такъ полно силы. Въ челноки
Собрали сѣти рыбаки,
Плывутъ, струи бѣгутъ отъ веселъ,
Угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ,
Мостъ подъ телѣгами дрожитъ,
И скрипъ колесъ и стукъ копытъ
Тревожатъ цаплю, и пугливо
Она летитъ изъ-подъ куста.
Веселый шумъ и суета
На мельницѣ. Нетерпѣливо
Вода сердитая реветъ,
Мелькаетъ жерновъ торопливо....

Пора домой. Ужь ночь идетъ,
Огни по небу разсыпаетъ.

Пора домой: семья заботъ
Меня давно тамъ поджидаетъ;
Приду, —и встрѣтитъ у воротъ,
И крѣпко, крѣпко обойметъ....

———

НОЧЬ.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря поту-
хаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ
золотой;
Извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули;
Вокругъ тишина и безлюдье: и поле и берегъ уснули;
Лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шу-
мятъ,
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ о чемъ,
говорятъ,
На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя
сѣти;
Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя
дѣти

Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной,
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ,
И къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной музыкѣ волнъ.

---

* *
*

Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ;
За пашнями диво творится:
На воздухѣ синія горы висятъ
И въ полыми людъ шевелится.

Подвинулось небо назадъ отъ земли,
Водѣ золотой уступило,
Безъ вѣтра плывутъ по водѣ корабли,
Бока ихъ огнемъ охватило....

А ночь черезъ лѣсъ торопливо ползетъ,
Ползетъ — и листа не зацѣпитъ,
Насупила брови, глазами сверкнетъ —
Широкое поле освѣтитъ.

Опять я съ тоскою домой ворочусь,
Молчалъ бы, да нѣтъ моей мочи:
Одинъ я средь поля пятномъ остаюсь,
Чернѣе и пашень и ночи!

Гляжу и любуюсь: просторъ и краса....
Въ себя заглянуть только стыдно:
Закиданы грязью мои небеса,
Звѣзды ни единой не видно!...

УТРО.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка,
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь — безлюдье вокругъ
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ-рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ....
А востокъ все горитъ-разгорается.

Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ-себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое....
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй солнце да утро веселое!

---

*
* *

Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ,
Пѣсня изъ лѣсу несется,
Листъ зеленый задѣваетъ,
Желтый колосъ окликаетъ,
За курганомъ отдается.

За курганомъ, за холмами
Дымъ-туманъ стоитъ надъ нивой,
Свѣтъ мигаетъ полосами,
Зорька, тучекъ рукавами,
Закрывается стыдливо.

Рожь да лѣсъ, зари сіянье,
Дума, Богъ вѣсть гдѣ, летаетъ....
Смутно листьевъ очертанье,
Вѣтерокъ сдержалъ дыханье,
Только молнія сверкаетъ.

———

* *
*

Въ небѣ радуга сіяетъ,
Розы дождикомъ омыты,
Солнце въ зелени играетъ,
Темный садъ благоухаетъ,
Кудри золотомъ покрыты.

Свѣтъ и тѣнь подъ деревами
Переходятъ, какъ живые;
Мохъ унизанъ огоньками,
Надъ душистыми цвѣтами
Вьются пчелы золотыя.

Въ чащѣ свиста переливы;
Стрекотня и пѣсенъ звуки,
Подлѣ ты, мой другъ стыдливый....
Слава Богу! мигъ счастливый
Уловилъ я въ часъ разлуки!

———

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ;

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички, вдвоемъ,
Близь осоки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

«Ну, катай на перегонки!»
А на шалуновъ,
Съ тайной завистью, дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

«Тянутъ, тянутъ!» закричали
Ребятишки вдругъ:

«Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щукъ.»

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
— «Ну вытряхивай-ка, съ Богомъ,
Нечего глядѣть!»

Такъ сказалъ старикъ высокой,
Весь какъ лунь сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

«Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови, — придетъ....
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь, — такъ вотъ!...»

И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
— «Ну, за что ее ты, Мишка?»
Упрекнулъ другой.

«Экой малый уродился, —
Говорилъ старикъ:
Все-бъ дрался онъ да бранился,
Экой озорникъ!»

— «Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!»
Свату сватъ сказалъ.

«Эхъ!... дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша безъ дѣла
Одѣвать изволь.

«Хлѣбъ, смотри-вотъ, вздорожаетъ, —
Ты чужихъ корми;
А вѣдь мать, небось, гуляетъ,
Прахъ ее возьми!»

— «Потерпи: чай, незабудетъ
За добро Господь!

Вѣдь она работать будетъ,
Богъ дастъ, подростетъ.»

«Такъ-то такъ... вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ-толку кормить.

«И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива.»

Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли.

А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

———

* *
*

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

Вотъ ужь вѣетъ прохладой ночною;
Грезитъ колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

Кротко звѣздъ золотое сіянье.
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души.

ДИТЯТИ.

Не знаешь ты тоски желаній,
Прекрасенъ міръ твоей весны,
И свѣтлы, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны.

Съ грозою жизни незнакома,
Какъ птичка вѣчно-весела,
Подъ кровлею роднаго дома
Ты рай земной себѣ нашла.

Придетъ пора, — прольешь ты слезы,
Быть можетъ, трудъ тебя согнетъ...
И дѣтства радужныя грезы
Умрутъ подъ холодомъ заботъ.

Тогда, неся свой крестъ тяжелый,
Не разъ подъ бременемъ его
Ты вспомнишь о веснѣ веселой
И — не воротишь ничего.

МОЛИТВА ДИТЯТИ.

Молись дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.

Молись дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, ангелъ, твой хранитель,
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель,
Къ престолу Бога отнесетъ.

Молись дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими-жь свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

Но если жизнь тебя измучитъ,
И умъ и сердце возмутитъ,
Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ, —

Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.

И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель ангелъ твой сойдетъ,
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

———

ГНѢЗДО ЛАСТОЧКИ.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ и громъ,
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ,
Отъ пѣны–то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ,
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.
Объ мельникѣ и рѣчи нѣтъ.
Въ пыли, въ мукѣ, и лысъ и сѣдъ,
Кричитъ весь день про бѣдный людъ:
Вотъ тотъ–то мотъ, вотъ тотъ–то плутъ....

Самъ, старый чортъ, какъ звѣрь глядитъ,
Чужимъ добромъ и пьянъ и сытъ,
Дѣтей забылъ, жену извелъ,
Барбосъ съ нимъ жилъ, Барбосъ ушелъ....

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила-слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.

Поетъ, пока не выгнали.
Чужой-то кровъ — не свой;
Хоть не-любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.

Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ
И спитъ-себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

---

* *
*

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.

Вотъ ужь пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ — не глядитъ,
Пляшетъ-присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ....

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души!

———

*
* *

Полно, степь моя, спать безпробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропалъ, — и тепло и свѣтло.

Пробудись и умойся росою,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.

Полюбуйся: весна наступаетъ,
Журавли караваномъ летятъ,
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумятъ.

Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ на просторѣ плывутъ,
По груди у тебя полосами,
Другъ за дружкою, тѣни бѣгутъ.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавьютъ, — посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской, отъ зари до зари!

Тамъ ужь лѣто... ложись подъ косою
Ковыль бѣлый въ-угоду косцамъ!
Подымайся копна за копною!
Распѣвайте косцы по ночамъ!

И тогда — при мерцаньѣ румяномъ
Ясныхъ зорекъ, въ прохладные дни,
Отдохни моя степь, подъ туманомъ,
Беззаботно и крѣпко усни.

---

*
* *

Въ темной чащѣ замолкъ соловей,
Прокатилась звѣзда въ синевѣ;
Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.

Дремлятъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ,
Насѣкомымъ подточенный, листъ.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца!

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;
Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачь дитяти....
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть....
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

СПЛЕТНЯ.

Живи какъ отшельникъ,
Гуляй или плачь,
Найдетъ тебя сплетня,
Придетъ твой палачь!

Двери не отворитъ, —
Подъ дверь подползетъ,
Ограда мѣшаетъ, —
Сквозь камень пройдетъ.

Въ чемъ грѣшенъ, не грѣшенъ —
Въ набатъ прогудитъ,
На вѣкъ обезчеститъ,
По гробъ осрамитъ.

И въ грязь тебя втопчетъ
И недругъ и другъ....
Проклятая сплетня!
Проклятый недугъ!

———

* *
*

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы —
Только васъ вспомнишь, — улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила,
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
Свѣчка ужь меркнетъ подъ огненной шапкой,
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая —
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!

Сердце мое замираетъ-дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою...»
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужь въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я.... лампадка горитъ.
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы — веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

---

* *
*

Живая рѣчь, живые звуки —
Зачѣмъ вамъ чужды плоть и кровь?
Я въ васъ облекъ бы сердца муки,
Мою печаль, мою любовь.

Въ груди огонь, въ душѣ смятенье
И подавленной страсти стонъ,
А ваше мѣрное теченье
Наводитъ скуку или сонъ...

Такъ, недоступно и незримо,
Въ насъ зрѣетъ чувство иногда,
И остается навсегда
Загадкою неразрѣшимой,
Какъ мученикъ прожившій вѣкъ,
Намъ съ дѣтства близкій, человѣкъ.

———

ТАЙНОЕ ГОРЕ.

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждаго боится
И въ глубинѣ души одно,
Неизлѣчимое, таится.
Улыбку холодомъ мертвитъ,
Опоръ не ищетъ и не проситъ,
И если горе переноситъ, —
Молчанье гордое хранитъ.
Не всякому нужна пощада,
Не всякъ наслѣдовать готовъ
Удѣлъ иль нищихъ, иль рабовъ,
Участье — жалкая отрада.
Кчему колѣни преклонять?
Свободнымъ легче умирать.

---

* *
*

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
Увы! не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина!
Весь день душа болѣла тайно
И за себя и за другихъ....
Отъ пошлыхъ встрѣчь, отъ сплетень злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной
Покой пора бы ей узнать,
Да гдѣ онъ? Гдѣ его искать?

Едва на землю утро взглянетъ,
Едва пройдетъ ночная тѣнь, —

Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ.
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши,
Измученный и оскорбленный.

———

* *
*

Перестань, милый другъ, свое сердце пугать:
Что намъ завтра сулитъ, — мудрено угадать,
Посмотри: изъ-за синяго полога тучь
На зеленый курганъ брызнулъ золотомъ лучь.
Колокольчикъ поникъ надъ росистой межой,
Алой краской покрытъ василекъ голубой,
Сироты-павилики румяный цвѣтокъ
Приласкался къ нему и обвилъ стебелекъ.
Про таланъ золотой въ полѣ пахарь поетъ,
Въ потемнѣвшемъ лѣсу отголосокъ идетъ.
Въ каждой травкѣ—душа, каждый звукъ—говоритъ,
Въ синевѣ про любовь голосъ птички звенитъ....
Только ты все грустишь, словъ любви не найдешь,
Громовыхъ облаковъ въ день безоблачный ждешь.

———

ТИШИНА НОЧИ.

Въ глубинѣ бездонной,
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ.

Тускло освѣщенный
Блѣдною луной,
Городъ утомленный
Смолкъ во тьмѣ ночной.

Спитъ онъ, очарованъ
Чудной тишиной,
Будто заколдованъ
Властью неземной.

Лишь объятъ дремотой,
Закричитъ порой
Сторожъ беззаботной
Въ улицѣ пустой.

Кажется, міръ сонный,
Полный сладкихъ грезъ,
Отдохнулъ спокойно
Отъ заботъ и слезъ.

Но взгляни: вотъ домикъ
Освѣщенъ огнемъ,
На столѣ покойникъ
Ждетъ могилы въ немъ.

Онъ, бѣднякъ голодный,
Утѣшенья чуждъ,
Кончилъ вѣкъ безплодный
Тайной жертвой нуждъ.

Дочери не спится.
Въ уголкѣ сидитъ...
И въ глазахъ мутится
И въ ушахъ звенитъ.

Ночь минетъ, — быть можетъ,
Христа-ради ей

Кто-нибудь поможетъ
Изъ чужихъ людей.

Можетъ быть, какъ нищей,
Ей на гробъ дадутъ,
Въ гробѣ на кладбище
Старика снесутъ...

И никто не знаетъ,
Что въ нѣмой тоскѣ
Сирота рыдаетъ
Въ тѣсномъ уголкѣ.

Что въ нуждѣ до срока,
Можетъ быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Міръ заснулъ.... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

ПОХОРОНЫ.

Парчей покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ огонь и дымъ,
Святыхъ молитвъ напѣвъ печальный, —
Вотъ все, чѣмъ жизнь заключена!
И эта жизнь покрыта тайной:
Завѣса смертью спущена....
Теперь, скажи мнѣ, сынъ свободы,
Зачѣмъ страдалъ, зачѣмъ ты жилъ?
Отведена царю природы
Сажень земли между могилъ.
Молчатъ въ тебѣ любовь и злоба,
Надежды гордыя молчатъ....

Зачѣмъ ты жилъ, усопшій братъ?...
Стучитъ земля по крышкѣ гроба,
И чуждый горя и заботъ,
Глядитъ безсмысленно народъ.

---

* *
*

И дождь и вѣтеръ. Ночь темна.
Въ уснувшемъ домѣ тишина.
Никто мнѣ думать не мѣшаетъ.
Сижу одинъ въ моемъ углѣ.
При свѣчкѣ весело играетъ
Полоска свѣта на окнѣ.

Я радъ осенней непогодѣ:
Мнѣ шумъ толпы невыносимъ.
Я, какъ дикарь, привыкъ къ свободѣ,
Привыкъ къ стѣнамъ моимъ роднымъ.
Здѣсь все мнѣ дорого и мило,
Хоть радости здѣсь мало было....

Святая ночь! Теперь я чуждъ
Дневныхъ тревогъ, насущныхъ нуждъ.

Онѣ забыты. Жизни полны,
Видѣнья свѣтлыя встаютъ,
Изъ глубины души, какъ волны,
Слова послушныя текутъ.

И грустно мнѣ мой трудъ отрадный,
Когда въ окно разсвѣтъ блеснетъ,
Мѣнять на холодъ безпощадный,
На бремя мелочныхъ заботъ....
И снова жажду я досуга
И темной ночи жду, какъ друга.

---

*
*   *

Бываютъ свѣтлыя мгновенья:
Миръ ясный душу осѣнитъ;
Огонь святаго вдохновенья
Неугасаемо горитъ.

Оно печать безсмертной силы
На трудъ обдуманный кладетъ;
Оно безмолвію могилы
И мертвымъ камнямъ жизнь даетъ.

Развратъ и пошлость поражаетъ,
Добру приноситъ ѳиміамъ.
И вѣчной правдѣ воздвигаетъ
Святой алтарь и вѣчный храмъ.

Оно не требуетъ награды,
Въ тиши творитъ оно, какъ Богъ....
Но человѣку нѣтъ пощады
Въ бездонномъ омутѣ тревогъ.

Падетъ на грудь заботы камень,
Свободу рукъ скуетъ нужда, —
И гаснетъ вдохновенья пламень,
Могучій двигатель труда.

———

* *
*

Чуть сошлись мы — другъ друга узнали.
Ваши рѣчи мнѣ въ душу запали,
Но, увы! не услышать мнѣ ихъ,
Не услышать мнѣ звуковъ родныхъ.

Не помочь, видно, горю словами!
На мгновенье я встрѣтился съ вами,
Разстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы, Богъ вѣсть куда!

Вотъ какъ жизнь иногда безтолкова!
Вотъ какъ доля глупа и сурова!
Ужь какъ ляжетъ она на плечахъ, —
Бѣлый свѣтъ помутится въ глазахъ!

ПОЭТУ.

Не говори, что жизнь ничтожна,
Нѣтъ, послѣ бурь и непогодъ,
Борьбы суровой и тревожной,
И цвѣтъ и плодъ она даетъ.

Невѣчны всѣ твои печали.
Въ тебѣ самомъ источникъ силъ.
Взгляни кругомъ: не для тебя ли
Весь міръ сокровища раскрылъ.

Кудрявъ и зеленъ лѣсъ дремучій,
Листы зарей освѣщены,
Огнемъ охваченныя, тучи
Въ стеклѣ рѣки отражены.

Покрытъ цвѣтами скатъ кургана.
Взойди и стань на вышинѣ, —
Какой просторъ! сквозь сѣть тумана,
Село чуть видно въ сторонѣ.

Звенитъ и льется птички голосъ,
Узнай, о чемъ она поетъ,
Пойми, что шепчетъ спѣлый колосъ
И что за рѣчи ключь ведетъ.

Вотъ царство жизни и свободы!
Здѣсь всюду блескъ! здѣсь вѣчный пиръ!
Пойми живой языкъ природы —
И скажешь ты: прекрасенъ міръ!

---

* *
*

Помнишь? съ алыми краями
Тучки въ озерѣ играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки въ лѣсъ скакали.

Конь въ водѣ остановился,
И, какъ будто опрокинутъ,
Недвижимъ, въ ней отразился.

При зарѣ румяный колосъ,
Сквозь дремоту улыбался;
Лѣсъ синѣлъ. Кукушки голосъ
Въ сонной чащѣ раздавался.

По полянѣ передъ нами,
Что ни шагъ, цвѣты пестрѣли,
Тѣнь бродила за кустами,
Краски вечера блѣднѣли....

Трепетъ сердца, упоенье —
Вамъ въ слова не воплотиться!
Помнишь?.. чудныя мгновенья!
Суждено ль имъ повториться!

ВЪ САДУ.

При зарѣ, по водѣ и румянецъ и тѣнь,
Въ чащѣ пѣсня да свистъ раздается;
Притаилъ садъ дыханье, весь нѣга и лѣнь,
По кудрямъ его золото льется.

Долго ль буду я тутъ одиноко бродить,
Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
Молча, сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
На тоску я съ тобой повстрѣчался,
На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
Всей душою къ тебѣ привязался!

Ужь и такъ мои дни были днями потерь:
Гибли молодость, сила, здоровье...
Выносилъ я, терпѣлъ.... каково-жь мнѣ теперь —
Знаетъ Богъ да мое изголовье!

Нѣтъ, не жить мнѣ съ тобою подъ крышей одной,
Какъ простимся — и полно встрѣчаться!
Тяжело мнѣ и горько разстаться съ тобой,
Легче бъ тѣлу съ душою разстаться!

И за что жь ты, мой другъ, у меня отнята?..
Ты права. Не тебя обвиняю, —
Виноватъ, видно, я да моя бѣднота —
Въ первый разъ я ее проклинаю!

---

* * *

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Безпечный миръ твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебѣ ль, съ младенчества не знавшей огорченій,
Со мною объ-руку идти однимъ путемъ,
Глядѣть на зло и грязь, и гаснуть за трудомъ,
И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ лишеній,
Страдать не день, не два,—всю жизнь свою страдать!..
Но гдѣ жь на это силъ, гдѣ воли нужно взять?
И что тебѣ въ тотъ часъ скажу я въ оправданье,
Когда, убитая и горемъ и тоской,
Упрекомъ мнѣ и горькою слезой
Отвѣтишь ты на ласки и лобзанье?

Слезы твоей себѣ не могъ бы я простить....
Но кто жь меня безчувствію научитъ
И наконецъ заставитъ позабыть
Все, что меня и радуетъ и мучитъ,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, печали и сомнѣній, —
Единая отрада и оплотъ, —
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?...

ГОРЬКІЯ СЛЕЗЫ.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh,
Das will die Brust zersprengen.
Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть-мститель
И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь —
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь.

Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ и погибалъ,
Я закрывалъ лицо руками
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шелъ:
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

Ты ль это жизнь къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! отмѣчена ты кровью
Насмѣшка страшная судьбы!...

---

* *
*

Опять знакомыя видѣнья!
Опять, подъ дѣтскій смѣхъ и шумъ,
Прожитый день припомнилъ умъ,
Проснулось чувство отвращенья!
О Боже правый! Вотъ она
И лжи и подлостей страница —
На каждой буквѣ кровь видна...
Какой позоръ! Вотъ эти лица
Ханжей, предателей, льстецовъ,
Низкопоклонниковъ, рабовъ,
Рабовъ расчета и разврата,
Рабовъ бездушныхъ, ледяныхъ,
Рабовъ, продать готовыхъ брата,
И друга, и дѣтей родныхъ,

Рабовъ бездѣлья, скуки праздной,
Страстишекъ мелкихъ и заботъ....
И ты, въ своей одеждѣ грязной,
Нашъ бѣдный труженикъ-народъ,
Несущій крестъ свой терпѣливо,
Ты, — за кого краснорѣчиво
Ведемъ мы споръ, добро любя,
Пора ль на свѣтъ вести тебя —
И ты мнѣ вспомнился....
Угрюмо,
Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
Ты мимо каменныхъ палатъ
Идешь на трудъ съ тупою думой,
Полуодѣтъ, полуобутъ,
Нуждой безжалостной согнутъ....
Неужто, молодое племя,
Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
Развратъ души, развратъ ума,
И лѣнь, и мелочность, и тьма?
Намъ нѣтъ изъ пропасти исхода....
Влачась и въ прахѣ и въ пыли,
О, еслибъ мы сказать могли:
«Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
Широкій путь, разумный трудъ....»
Увы! невѣдомъ Божій судъ!

РАЗГОВОРЫ.

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

За родимый нашъ край
Наше сердце болитъ;
За прожитые дни
Мучитъ совѣсть и стыдъ.

Что намъ цвѣсть не даетъ,
Держитъ ростъ молодой, —

Такъ и сбросилъ бы съ плечь
Этотъ хламъ вѣковой!

Гдѣ жь вы, слуги добра?
Выходите впередъ,
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ, —
По часамъ мы растемъ!
Закричатъ: «помоги!» —
Черезъ пропасть шагнемъ!

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ —
Глубока, глубока!...

А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать, —
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:

Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возметъ...
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!...

---

* *
*

Медленно движется время,
Вѣруй, надѣйся и жди…
Зрѣй наше юное племя,
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ…
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ…

Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ — онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили.
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и ка̀къ ихъ добыли —
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

---

* *
*

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
Озлобленъ умъ и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.

Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и непорочны!
Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!

Убита совѣсть, умеръ стыдъ
И ложь во тьмѣ царитъ свободно;
Никто позора не казнитъ,
Никто не плачетъ всенародно!...

Межъ нами мучениковъ нѣтъ,
На крикъ: «спасите!» нѣтъ отвѣта!...
Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ, —
Чему бы гибнуть, — процвѣтаетъ;
Чему бъ цвѣсти, — роняетъ цвѣтъ
И жалкой смертью умираетъ....

МОГИЛА ДИТЯТИ.

Посв. Н. И. В....ву.

Надъ твоей могилкой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.

Вьются-распѣваютъ
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листами.

Спишь ли ты, малютка,
Или такъ лежится?...
Встань и полюбуйся,
Что кругомъ творится.

Всталъ бы ты, — нѣтъ воли:
Тѣсный домъ твой проченъ;
Выходъ на свѣтъ Божій
Крѣпко заколоченъ.

Спи, дитя! Едва ли
Стоитъ просыпаться,
На людское горе
Сердцемъ надрываться.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна,
Спи, дитя родное,
Суждено такъ видно.

Сонъ твой — сонъ отрадный.
Крестъ и камень бѣлый
Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣлю.

Перелетнымъ гостьямъ
Благодать святая,
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья-птичка
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ

―――

* *
*

День и ночь съ тобой жду встрѣчи,
Встрѣчусь, — голову теряю:
Рѣчь веду, но эти рѣчи
Всей душой я проклинаю.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу отвѣта,
Говорю я про погоду,
Говорю, какъ ты одѣта.

Не сердись, не слушай болѣ:
Этой лжи я самъ не вѣрю.
Я не-радъ своей неволѣ.
Я не-радъ, что лицемѣрю.

Такова моя отрада,
Такъ свой вѣкъ я коротаю:
Тяжело-ль, молчать мнѣ надо,
Полюблю-ль, — любовь скрываю.

---

* *
*

Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги —
Одна лежитъ... иди впередъ,
Тащись, покуда служатъ ноги,
А впереди — что Богъ пошлетъ.

Все грязь да грязь... Господь помилуй!
Устанешь, духъ переведешь,
Опять впередъ! хоть не подъ-силу,
Хоть плакать въ пору, — все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука —
Извѣстно Богу одному.

Ужь пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь —
Была бы цѣль, душа бъ молчала,
Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь;

Такъ нѣтъ! какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ
И, какъ палачь неумолимый,
Надъ жертвой хохотъ издаетъ....

ЗИМНЯЯ НОЧЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горитъ.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ
И неслышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ-гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ.

Горемыки-дѣтки!
Долго ли до бѣдъ!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ,

Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ, —

Мудрено ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ...

А ужь тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ!
Дай имъ разумъ-силу,
Будь Ты имъ въ оплотъ!...

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ вѣсть, отколѣ,
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали
И тоски разгулъ.

ЖЕНА ЯМЩИКА.

Жгучь морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запушилъ окно.

Тяжело и скучно.
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На палати, стѣны
Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ курчавый
Въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой,
Мать его сидитъ.

Ей недаромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.

«Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ

Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ...

Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной — одна!

Сынъ еще ребенокъ,
Скоро ль подростетъ!
Бѣдный!.. все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!...»

И глядитъ на сына
Горемыка-мать.
«Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!»

—« А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь,
И вечоръ все пряла
И теперь сидишь?»

«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужь силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!»

— «Полно плакать, мама!» —
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припалъ.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

«Постелю постельку,
А Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять:
Будетъ въ нихъ сыночка
По-двору катать...»

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,

Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И на память пряхѣ
Молодость пришла;
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ;
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ:

«Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

«И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь вѣдь съ молокомъ!

«И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ — шутка
Молотить и жать.

«А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то... любитъ
Только мать твоя.»

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
«Батюшка пріѣхалъ!»
Мальчуганъ сказалъ.

И вскочилъ съ постели,
Щечки ярче розъ.
«Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!...»

— «Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!» —
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,

На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ,

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!

«Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ». —

«А мой мужъ?» спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

— «Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.» —

Вѣсть, какъ громъ, упала...
И едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустивъ рученки,
Сынъ дрожалъ, какъ листъ..
За стѣной избушки
Былъ и плачь и свистъ...

— «Вишь какая притча!»
Разсуждалъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

«А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-міру ходить.

«Полно горевать-то,
Онъ вдовѣ сказалъ:
Стало неча дѣлать,
Богъ знать наказалъ!

«Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;

Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

«Да!... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

«Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему.

«А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ.»

ДѢДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ.
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, непрочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

———

ПРЯХА.

Ночь и непогода. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бѣдная старушка
Сучитъ у окна.

Ужь грозы ль она боится,
Скучно ли — сидитъ,
Спать ложилась, да не спится,
Сердце все щемитъ.

И трещитъ, трещитъ лучина,
Свѣтъ на пряху льетъ.
Прожитая грусть-кручина
За̀-сердце беретъ.

Бѣдность, бѣдность! Мужъ, бывало,
Хоть подъ-часъ и пилъ, —
Все жилось съ нимъ горя мало:
Все жену кормилъ.

Вотъ подъ старость, какъ ужь зрѣнье
Потерялъ на вѣкъ,
Потерялъ онъ и терпѣнье —
Грѣшный человѣкъ!

За сохой ходить, — не видитъ,
Побираться, — стыдъ,
Тутъ безвинно кто обидитъ, —
Онъ молчитъ, молчитъ,

Плюнетъ, срамными словами
Долю проклянетъ
И зальется вдругъ слезами,
Какъ дитя реветъ....

Такъ и умеръ. Богъ помилуй —
Вотъ морозъ-то былъ!
Бились, бились! Сынъ могилу
Топоромъ рубилъ!...

Паренекъ тогда былъ молодъ.
Выросъ, возмужалъ, —

Что за сила! Въ зной и холодъ
Устали не зналъ!

Поведетъ ли рѣчь, бывало,
Что старикъ ведетъ;
Запоетъ при зорькѣ алой,
Слушать, — духъ замретъ...

Человѣкъ ли утопаетъ,
Иль изба горитъ,
Что бъ ни дѣлалъ, — все бросаетъ,
Помогать бѣжитъ.

И веселье и здоровье
Далъ ему Господь:
Будь хоть камень изголовье,
Легъ онъ — и заснетъ....

Справить думалъ онъ избушку,
Въ бурлаки пошелъ;
Нѣтъ! Беречь ему старушку,
Богъ ужь не привелъ!

Пріусталъ подъ лямкой въ стужу,
До костей промокъ,
Платье — ветошь, грудь — наружу,
Заболѣлъ — и слегъ.

Умеръ бѣдный! Мать узнала, —
Слезъ что пролила!
Умъ и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещитъ, трещитъ лучина;
Ниткѣ нѣтъ конца.
Мучитъ пряху грусть-кручина;
Нѣтъ на ней лица.

Плачь да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ,
Смотритъ: — по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ,
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ,
Въ улицѣ пустой;

Звѣзды искрятся... А вьюга
Въ ворота стучитъ...
И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ.

ССОРА.

«Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей —
Вѣрно по міру хочешь таскаться?
Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно;
Словно въ трубы трубятъ: что̀, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: гдѣ-же опричь ему быть,
Чай, опять загулялъ съ бурлаками....
И сердечко въ груди закипитъ, закипитъ
И, вздохнувши, зальешься слезами.»
— Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ:

Я не первый денекъ тебя знаю.
Да по чьей же я милости пьяницей сталъ
И теперь ни за что̀ пропадаю?
Не вино съ бурлаками — я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю;
Да за чаркой тебя проклинаю, змѣю,
И тебя и себя проклинаю!
Ахъ ты время мое, золотая пора!
Не видать ужь тебя вѣрно болѣ!
Какъ, бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
Ѣдешь рожь убирать въ свое поле: —
Сбруя вся назаказъ, кони — любо взглянуть,
Словно звѣри, изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, возжей шевельнуть —
Ужь, голубчики, вихремъ несутся.
Пашешь, — пѣсню поешь, косишь — устали нѣтъ;
Придетъ праздникъ, — помолишься Богу,
По деревнѣ идешь, — и почетъ и привѣтъ:
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь... Одного я вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто;
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно негусто;
На тебя-жь поглядишь, что̀ откуда идетъ,
Что̀ ни праздникъ, — иная обновка;
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да не вѣрится.... что-то неловко.... —

«Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ ходить?
Покраснѣвши, жена отвѣчала:
Кажись было на что̀ мнѣ обновки купить, —
Я вѣдь цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь онъ рѣчи какія заводитъ:
Самому же лаптишекъ не хочется сплесть,
А зипунъ то онучи не стоитъ.»
— Поистерся немного: не всѣмъ щеголять;
Бѣдняку что Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платью встрѣчать,
Сосѣдъ ходитъ недаромъ нарядно. —

«Ахъ, родные мои, закричала жена:
Ужь и гостя привѣтить нѣтъ воли!
Ну, хорошъ муженекъ, хороши времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Да вотъ на-ка тебѣ! не по твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Что-бъ сердечко твое надрывалось!»
— Коли такъ, ну и такъ! мужъ женѣ отвѣчалъ:
Мнѣ тебя переучивать поздно;
Ужь и то̀ я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда попробовать можно....
Перестанемъ кричать! Собери-ка поѣсть:
Я и то другой день безъ обѣда,

Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда. —

«Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь!
Жена, съ лавки вскочивши, сказала:
Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь....»
И на печку она указала.
Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ;
Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ у окна, головой покачалъ
И пошелъ, куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ — идетъ,
Шляпа нà-бокъ, халатъ на распашку,
Отъ коневьихъ сапогъ чистымъ дегтемъ несетъ
И застегнута лентой рубашка.
«Будь здоровъ, Пантелей! чтò повѣсилъ, братъ, носъ?
Аль запала въ головушку дума?»
— Видишь бойкой какой! А ты чтò мнѣ за спросъ?» —
Пантелей ему молвилъ угрюмо.
«Чтò такъ больно сердитъ? знать болитъ голова,
Или просто некстати зазнался....»
Пантелей второпяхъ засучалъ рукава,
Исподлобья кругомъ озирался.
— «Эхъ, была не была! ну, держися, дружокъ!»
И мужикъ во всю мочь развернулся,
Да какъ хватитъ сосѣда съ размаху въ високъ,
И не охнулъ — бѣднякъ протянулся.

Ввечеру Пантелей ужь сидѣлъ въ кабакѣ,
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

———

НЕУДАЧНАЯ ПРИСУХА.

Ударъ за ударомъ,
Полуночный громъ,
Полнеба пожаромъ
Горитъ надъ селомъ.

И дождь поливаетъ,
И буря шумитъ,
Избушку шатаетъ,
Въ оконце стучитъ.

Ночникъ одиноко
Въ избушкѣ горитъ;
На лавкѣ широкой
Кудесникъ сидитъ.

Сидитъ онъ, колдуетъ
Надъ чашкой съ водой,
То на-воду дуетъ,
То шепчетъ порой.

На лбу бороздами
Морщины лежатъ,
Глаза подъ бровями,
Какъ угли, горятъ.

У притолки парень
Въ халатѣ стоитъ:
Онъ, бѣдный, печаленъ
И въ землю глядитъ.

Лицо некрасиво,
На видъ простоватъ,
Но сложенъ на диво
Отъ плечь и до пятъ.

«Ну, слушай: готово!
Хоть трудъ мой великъ, —
Промолвилъ сурово
Кудесникъ-старикъ:

«Я сдѣлаю дѣло:
Крас отка твоя

И душу и тѣло
Отдастъ за тебя:

«Ты самъ ужъ, вѣстимо,
Зѣвать — не зѣвай:
Безъ ласки ей мимо
Пройти не давай...»

— «Спасибо кормилецъ!
За все заплачу;
Поможешь, — гостинецъ
Съ поклономъ вручу.

«Крупы, коли скажешь, —
Мѣшокъ ни-почемъ!
А денегъ прикажешь —
И деньги найдемъ.» —

И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,
Что бури и грома
Всю ночь не слыхалъ.

Пять дней пролетѣло...
Вотъ разъ, вечеркомъ,
На лавкѣ, безъ дѣла,
Лежитъ онъ ничкомъ,

На крѣпкія руки
Припавъ головой,
Колотитъ отъ скуки
Объ лавку ногой,

И вдругъ повернулся,
Плечо почесалъ,
Зѣвнулъ, потянулся
И громко сказалъ:

«Слышь, мамушка! баютъ,
У насъ въ деревняхъ
Вишь доки бываютъ, —
И вѣрить-то страхъ!

«Кого вишь присушатъ
Немилъ станетъ свѣтъ:
Тоска такъ и душитъ!...
Что правда аль нѣтъ?»

— «Бываютъ, вѣстимо,
Отвѣтила мать:
Не дай Богъ, родимый,
Ихъ видѣть и знать!... —

«Ну, правда, такъ ладно!»
Сынъ думалъ: «дождусь!...

Эхъ, жить буду славно,
Коли я женюсь!...»

Но, видно, напрасно
Кудесникъ шепталъ
И дѣвицѣ красной
Тоской угрожалъ:

Другаго красотка
Любила тайкомъ
За пѣсни, походку
И кудри кольцомъ...

А парень гуляетъ:
Какъ праздникъ придетъ,
Лицо умываетъ
И гребень беретъ,

И кудри направо,
Налѣво завьетъ,
Подумаетъ: «браво!»
И пальцемъ щелкнетъ.

Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
Рубашка на немъ,
Кумачь на подолѣ
Краснѣетъ огнемъ;

На шляпѣ высокой,
Межъ плисовыхъ лентъ,
Горитъ одиноко
Витой позументъ.

Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

Тряхнетъ волосами,
Идетъ въ хороводъ.
«Ну вотъ, дескать, нами
Любуйся народъ!»

Какъ встрѣтился съ милой, —
Ни словъ, ни рѣчей:
Что въ памяти было, —
Забылъ, хоть убей!

Вдругъ правда, случайно,
До парня дошла:
Ужь дѣвкина тайна
Не тайной была...

Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ... «такъ вотъ,

Онъ думалъ: въ чемъ дѣло!
Кудесникъ-атъ вретъ.

«Не грѣхъ ему палкой
Бока обломать,
Обманщику... жалко
Мнѣ руки марать.»

И два дни, угрюмый,
Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ родной.

На третій, — лишь только
Отправилась мать
На рѣчку въ ведерко
Водицы набрать, —

Съ гвоздя, торопливо,
Котомку онъ снялъ;
«Пойду, молъ!...» и живо
Ремни развязалъ.

Въ тряпицѣ рубашку
Въ нее положилъ,
И съ ложкою чашку
Туда жь опустилъ,

Халатъ для дороги,
Про непогодь, взялъ…
Мать входитъ; онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

«Ну, мамушка, горько,
Признаться, идти
Съ родимой сторонки…
А, видно, прости!»

Мать такъ и завыла:
— Касатикъ ты мой!
Ахъ, крёстная сила!
Что̀ это съ тобой? —

«Да что тутъ мнѣ биться,
Какъ рыбѣ объ ледъ!
Пойду потрудиться,
Что Богъ ни пошлетъ.

«И тутъ жилъ трудами,
Талана вишь нѣтъ….»
Старушка руками
Всплеснула въ отвѣтъ:

—«Да какъ же подъ старость
Мнѣ жить-то одной?

Вѣдь ты моя радость,
Кормилецъ родной!» —

И къ сыну припала
На грудь головой
И все повторяла:
— «Кормилецъ родной!»

Сынъ крѣпко рукою
Хватилъ себя въ лобъ,
И думалъ съ собою:
«Прямой остолопъ!

«Ну, вотъ тебѣ здравствуй!...
Наладилось мнѣ:
Иди, малый! царствуй
Въ чужой сторонѣ!

«А стало старушкѣ
Одной пропадать:
Казны-то полушки
Ей негдѣ достать.»

И парень украдкой
Лицо отвернулъ,
И старую шапку
На лавку швырнулъ.

«Ну, полно, родная!
Я въ шутку... пройдетъ...
Все доля дурная...
Наука впередъ!»

Румяное солнце
Къ полямъ подошло,
Въ избушкѣ оконце
Огнемъ залило.

Румянитъ, золотитъ
Лѣсокъ въ сторонѣ.
Мой парень молотитъ
Овесъ на гумнѣ.

Тяжелыя муки
Въ душѣ улеглись:
Могучія руки
За трудъ принялись.

Цѣпъ такъ и летаетъ,
Какъ молнія жжетъ,
На снопъ упадаетъ,
По колосу бьетъ.

Богъ помочь, дѣтина!
Давно бъ такъ пора!...
Долой ты, кручина,
Долой со двора!

СТАРИКЪ ДРУГОЖЕНЕЦЪ.

Удружилъ ты мнѣ, сватъ, молодою женой!
Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость:
День и ночь ни-за-что она споритъ со мной
И бранитъ мою бѣдную старость;
Ни за-что, ни про что малыхъ пасынковъ бьетъ,
Да заводитъ съ сосѣдями ссоры;
Кто что ѣстъ, кто что пьетъ и какъ дома живетъ —
Хоть бѣжать, какъ начнетъ разговоры.
И ужь пусть бы сама человѣкомъ была!
Не повѣришь, весь домъ раззорила!
И грозилъ ей, — да что̀!... значитъ, волю взяла....
Женскій стыдъ, — Божій гнѣвъ позабыла!
А любовь.... ужь куда тутъ! молчи про любовь!...
За себя мнѣ бѣда небольшая.

Погубилъ я дѣтей, погубилъ свою кровь:
Доконаетъ ихъ мачиха злая!
Эхъ! не прежняя мочь, не былая пора,
Молодецкая удаль и сила, —
Не ходить бы женѣ, не спросясь, со двора,
И воды бы она не взмутила...
Спохватился теперь, да не сладишь съ бѣдой,
Лишь гляди на жену и казнися,
Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
По дѣлòмъ старику — не женися!

БУРЛАКЪ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что̀ вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца,
Я женился — и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла;
Дай Богъ царство небесное бѣдной!
Ужь такая-то, братецъ, хозяйка была —
Дорожила полушкою мѣдной.
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;

Пѣтухи пропоютъ, ну тогда отдохнетъ,
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ —
Ужь она на ногахъ: поглядишь, побѣжитъ
И овцамъ и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ, — и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать, иль снопы подавать
Съ земи на возъ, — и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «не пора ль отдыхать?»
— «Ничего, говоритъ, не устала.» —
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: «напрасно:
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить,
Что-ты тратишься, соколъ мой ясный!»
Какъ въ раю съ нею жилъ!.. да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и ка̀къ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю на̀-вѣки спать...
Вспомнишь — жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надёжа была, — словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужь псалтирь было началъ читать,
Думалъ: «выйдетъ мой въ люди мальчишка!»
Да не то̀ ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною,
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщался рублевую свѣчку купить,

Предъ иконою въ церкви поставить, —
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать, — въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду, —
Вдругъ — бѣда за бѣдой — на скотину падежъ...
Чай по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
«Дескать, всякая вотъ что-ни-есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!»
То бранятъ за глаза: «не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ:
Видно Богъ свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ....
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
Коли отдыхъ придетъ — на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ тёмный,

Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ — и вмигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь — и самъ тутъ зальешься!
Непогода ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе, —
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется, и вспыхнешь огнемъ!
Осень, холодъ, — не надобна шуба!
Сядешь въ лодку — гуляй! размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: «ну, теперь Божія воля!
Коли жить — будемъ жить, умереть—такъ умремъ!»
И въ душѣ словно не было горя!

РАЗСКАЗЪ ЯМЩИКА.

Вѣкъ жить — увидишь и худо порою.
Жаль, что вотъ темно, а то изъ окна
Я показалъ бы тебѣ: за рѣкою
Есть у насъ тутъ деревенька одна.
Тамъ живетъ баринъ. Господь его знаетъ,
Этакой умница, братецъ ты мой,
Ну, а теперь ни за что пропадаетъ.
Разъ онъ немножко размолвилъ съ женой:
Барыня сдѣлала что-то неладно —
Мужъ съ горяча-то ее побранилъ.
Правду сказать, вѣдь оно и досадно:
Онъ безъ ума ее, слышно, любилъ.
Та, — дѣло барское, — знаешь, обидно,
Къ матушкѣ нѣжной отправилась въ домъ,

Да сиротою прикинулась, видно, —
Съ годъ и жила со старухой вдвоемъ.
Только и тутъ она что-то... да это
Дѣло не наше, я самъ не видалъ...
Баринъ-атъ сохъ; иногда до разсвѣта
Съ горя и глазъ, говорятъ, не смыкалъ.
Все вишь грустилъ, да жены дожидался,
Ей поклониться онъ самъ не хотѣлъ;
Ну, а потомъ въ путь-дорогу собрался,
Нанялъ меня — и къ женѣ полетѣлъ.
Какъ помирился онъ съ нею — не знаю;
Барыня что-то сердита была...
Самъ-атъ я, братецъ ты мой, помекаю —
Мать по неволѣ ее прогнала.
Вотъ мы поѣхали. Вижу — ласкаетъ
Баринъ жену: то въ глаза ей глядитъ,
То, знаешь, ноги ковромъ укрываетъ,
То этакъ ласково съ ней говоритъ, —
Ну, а жена пожимаетъ плечами,
Въ сторону смотритъ — ни слова въ отвѣтъ...
Онъ и присталъ къ ней почти со слезами:
«Или въ тебѣ и души, дескать, нѣтъ?
Я, дескать, все забываю, прощаю...
Такъ же люблю тебя, милый мой другъ...»
Тутъ она молвила что-то, — не знаю,
И покатилася со смѣху вдругъ,
Баринъ притихъ. Ужь и зло-жь меня взяло!

Я какъ хвачу кореннаго кнутомъ...
Послѣ одумался — совѣстно стало:
Тройка шла нà-гору, шла-то съ трудомъ,
Конь головой обернулся немного;
Этакъ глядитъ на меня, все глядитъ...
«Ну, молъ, ступай ужь своею дорогой.
Грѣхъ мой на барынѣ видно лежитъ...»
Вотъ мы... о чемъ бишь я рѣчъ велъ сначала?
Да, я сказалъ, что тутъ баринъ притихъ.
Вотъ мы и ѣдемъ. Ужь ночь наступала.
Я пріударилъ лошадокъ лихихъ.
Въѣхали въ городъ... Эхъ-ма! забываю
Чей это дворъ, гдѣ коней я кормилъ?
Дворъ-то мощеный... постой, вспоминаю...
Нѣтъ, провались онъ совсѣмъ, позабылъ!
Ну, ночевали. Заря занималась;
Баринъ проснулся — глядь: барыни нѣтъ!
Кинулись шарить-искать, — не сыскалась;
Только нашли у воротъ одинъ слѣдъ,
Кто-то знать былъ съ подрѣзными санями...
Мы тутъ въ погоню. Ужь день разсвѣталъ,
Верстъ этакъ семь пролетѣли полями —
Слѣдъ неизвѣстно куда и пропалъ.
Мы завернули въ село, да въ другое, —
Нѣтъ нигдѣ слуху; а баринъ сидитъ,
Руки ломаетъ. Лицо-то больное,
Самъ-атъ озябъ, словно листъ весь дрожитъ...

Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Проѣхалъ немного ,
И говорю ему: «слѣду, молъ, нѣтъ,
Этой — вотъ что ли держать намъ дорогой?»
Онъ и понесъ чепуху мнѣ въ отвѣтъ.
Сердце мое облилось тогда кровью!
«Эхъ, погубилъ, молъ, сердечный ты мой,
Жизнь и здоровье горячей любовью!»
Ну и привезъ его къ ночи домой.
Жаль горемычнаго! вчужѣ сгрустнется:
Въ годъ онъ согнулся и весь посѣдѣлъ.
Нынче надъ нимъ ужь и дворня смѣется:
«Баринъ–атъ нашъ, молъ, со всѣмъ одурѣлъ...»
Диво мнѣ! какъ онъ жену не забудетъ!
Нѣтъ–вотъ, поди! коротаетъ свой вѣкъ!
Хлѣба не ѣстъ, все по ней вишь тоскуетъ...
Этакой, братецъ ты мой, человѣкъ!

ПѢСНЯ БОБЫЛЯ.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ — весь пожитокъ...
Эхъ, живи — не тужи,
Умрешь — не убытокъ.

Богачу-дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ-веселится.

Онъ идетъ да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай лѣсъ зеленый!

Ужь ты плачь-ли, не плачь, —
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй, —
Курица обидитъ.

Ужь ты сытъ-ли, не сытъ,
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживемъ да умремъ —
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ —
Пѣсенка допѣта!

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле,
Послѣ грозы, озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной.
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.

Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка разцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо....
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ и распѣваетъ овсянка,
Весело свистнулъ и онъ, и водицы напился изъ лужи.
Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
«Экую радость послалъ намъ Господь — проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-атъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь.»

---

*
* *

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Прилетитъ, — вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется!

Ужь зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою и лаской,
Отъ тумана глаза бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни сложились.

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта да съ холодомъ-вѣтромъ:
При тебѣ — вся краса изсушится,
При тебѣ — въ головѣ помутится.

Ужь и будь ты, кручинушка, пепломъ —
Весь бы по полю въ бурю развѣялъ,
Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла!

---

* *
*

Ахъ, ты бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь, — въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь, — куда водой несетъ,
Стороной бредешь, — гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка — гроза идетъ,
Скажешь правду — силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости.

Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
Все на-сердцѣ грусть великая,
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься, —
На могилѣ травка дикая!...

НИЩІЙ.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ,
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды да пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безъисходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

Пò-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
Пò-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

———

ПАХАРЬ.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается,
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидитъ.
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ, понуривъ голову,
Мужичекъ идетъ, шатается....

Ужь когда же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣетъ рожь — тебѣ заботушка:
Какъ-бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ — тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спѣсивятся,
Годъ плохой — въ семьѣ всѣ мучатся —
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ-же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на̀-горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

———

СОХА.

Ты соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.

Про тебя и вспомнить некому...
Что жь молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?...

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается,
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужь и кѣмъ-же ты придумана,
Къ дѣлу на̀-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена....

---

* *
*

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталъ онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянъ,
Вышелъ на улицу, веселъ и пьянъ.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Подчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
«Пей-пропивай! Поживемъ-наживемъ!...»
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,
Шутятъ, и пляшутъ, и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ-свиститъ,
О земь ногой молодецки стучитъ.

Синее небо, и сумракъ и тишь.
Смотрится въ воду зеленый камышъ.

Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ.
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
Пò лугу льется, по чащѣ лѣсной....
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой;
Бѣлый какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаетъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги — ихъ зависть беретъ,
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смѣкнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ.
Сѣдъ онъ и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ — и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна-смѣла
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла.
«Полно, касатикъ, отстань — не балуй!
Дѣвки моей не позорь, не цѣлуй!»
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
— «Нѣтъ, такъ не надо.... другую найдемъ!...» —
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать.
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна и тепла.
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышь молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ зипунишкѣ и въ старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ-головахъ.
Молится Богу старуха жена,
Плакать бы надо, — не плачетъ она.
Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила.
Что тутъ за диво! и замужъ пойдетъ....
То-то чай дѣтокъ на путь наведетъ!
Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порожденъ?
Кѣмъ ты на гибель и срамъ осужденъ?

СТАРЫЙ СЛУГА.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спитъ на пролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.

Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!

Въ курточкѣ красной, бывало,
Веселъ, завитъ и румянъ.
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;

Бьетъ, и кричитъ, и смѣется,
Дѣтскою саблей звенитъ;
Вдругъ къ старику повернется —
«Смирно!» и ножкой стучитъ.

Ниткой его зануздаетъ,
На спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Ѣдетъ по залѣ кругомъ.

Радъ мой старикъ — и проворно
На четверенькахъ ползетъ.
«Стой!» и онъ станетъ покорно,
Бровью сѣдой не моргнетъ.

Ручку-ль барчукъ шаловливый,
Ножку-ль убьетъ за игрой, —
Вздрогнетъ слуга боязливый:
«Баринъ ты мой золотой!»

Шопотомъ тужитъ-горюетъ:
«Недосмотрѣлъ я, злодѣй!»
Барскую ножку цѣлуетъ...
«Бей меня, батюшка, бей!»

Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшенъ навѣтъ!

Пусть бы ужь много пропало —
Ложки серебряной нѣтъ!

Смотритъ старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами —
Такъ ему баринъ велѣлъ.

Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся,
Такъ напугали его.

Господи! горе и голодъ....
Долго ли чахнуть въ тоскѣ?...
Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И загулялъ въ кабакѣ.

Пей, безталанная доля!
Пилъ онъ, и пѣлъ, и плясалъ....
Волюшка, милая воля,
Гдѣ же твой свѣтъ запропалъ?...

И потащился полями,
Пьяный, въ родное село.
Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло,

Снѣгъ заметалъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ...
Легъ онъ, надвинувъ шапченку,
И середь поля застылъ.

УДАЛЬ И ЗАБОТА.

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе не горе, —
Въ цѣпи закуй — распѣваетъ.

Ляжетъ забота — не спится,
Спитъ ли, пройди — встрепенется;
Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь — не проснется.

Клонится колосъ отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонитъ;
Встрѣтится удаль съ грозою —
На́-ухо шапку заломитъ.

Всѣхъ-то забота боится,
Топнутъ ногой — поблѣднѣетъ;
Топнутъ ногою на удаль —
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

По̀-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удаль, не думавъ, добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ — хохочетъ.

Пѣсня заботы не пѣсня:
Слушать — тоска одолѣетъ;
Удаль присвистнетъ, притопнетъ —
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота,
Въ домѣ и скука и холодъ;
Удаль влетитъ да обниметъ, —
Станешь и веселъ и молодъ.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Парень-извощикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ.

Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
Горло распухло, чуть-чуть говоритъ.

Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
Пашни родныя, куда далеки!

Ка̀къ на чужой сторонѣ умереть!
Хоть-бы на мать, на отца поглядѣть!..

Въ горѣ товарищи держатъ совѣтъ:
«Ну-ка умретъ, — попадемъ мы въ отвѣтъ!

Изъ дому паспортовъ не взяли мы —
Ну–ка умретъ, — не уйдемъ отъ тюрьмы!»

Дворникъ встревоженъ, священника ждетъ;
Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.

Встали извощики, всталъ и больной;
Свѣчка горитъ предъ иконой святой,

Бѣлая скатерть на столъ постлана,
Въ душной избѣ тишина, тишина...

Кончилъ молитву священникъ сѣдой,
Вышли извощики за дверь толпой.

Парень шатается, дышетъ съ трудомъ,
Старецъ стоитъ недвижимъ со крестомъ.

«Страшенъ судъ Божій! покайся, мой сынъ!
Богъ тебя слышитъ, да я лишь одинъ...»

— «Батюшка!... грѣшенъ!...» больной простоналъ;
Палъ на колѣни и громко рыдалъ.

Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
Крови и плоти святой пріобщилъ,

Сѣлъ, написалъ: вотъ такой пріобщенъ.
Дворнику легче: исполненъ законъ.

Полночь. Всѣ въ домѣ уснули давно.
Въ душной избѣ, какъ въ могилѣ, темно.

Скупо въ углу рукомойникъ течетъ,
Капля за каплею звукъ издаетъ.

Мѣрно кузнечикъ куетъ въ тишинѣ,
Кто–то невнятно бормочетъ во снѣ.

Вѣтеръ печально поетъ подъ окномъ,
Воетъ-голоситъ, Господь вѣсть по комъ.

Тошно въ-потьмахъ одному мужику:
Сны–вѣщуны навѣваютъ тоску.

Съ жесткой постели, въ раздумьѣ, онъ всталъ,
Ощупью печь и лучину сыскалъ,

Красное пламя изъ угля добылъ,
Ярко больному лицо освѣтилъ.

Тихъ онъ лежитъ, на лицѣ доброта,
Впалыя щеки бѣлѣе холста.

Свѣсились кудри, открыты глаза,
Въ мертвыхъ глазахъ не обсохла слеза.

Вздрогнулъ извощикъ. «Ну вотъ, дождались!»
Дворника будитъ: «проснись–подымись!»

— Что тамъ?—«Товарищь нашъ мертвый лежитъ»...
Дворникъ вскочилъ, какъ безумный глядитъ.

—«Охъ попадете, ребята, въ бѣду!
Вы попадете и я попаду!

«Ка̀къ-это паспортовъ, какъ не имѣть!
Знаешь начальство.... не станетъ жалѣть!» —

Вдругъ у него на душѣ отлегло.
— «Тсс.... далеко ли, братъ, ваше село?» —

«Верстъ этакъ двѣсти... неблизко, родной!»
— «Нечего мѣшкать! ступайте домой!

«Мертваго можно одѣть-снарядить,
Въ сани ввалить, да вретьемъ покрыть;

«Подлѣ села его выньте на свѣтъ:
Умеръ дорогою — вотъ и отвѣтъ!» —

Думаетъ-шепчетъ проснувшийся людъ.
Ѣхать не радость, не радость и судъ.

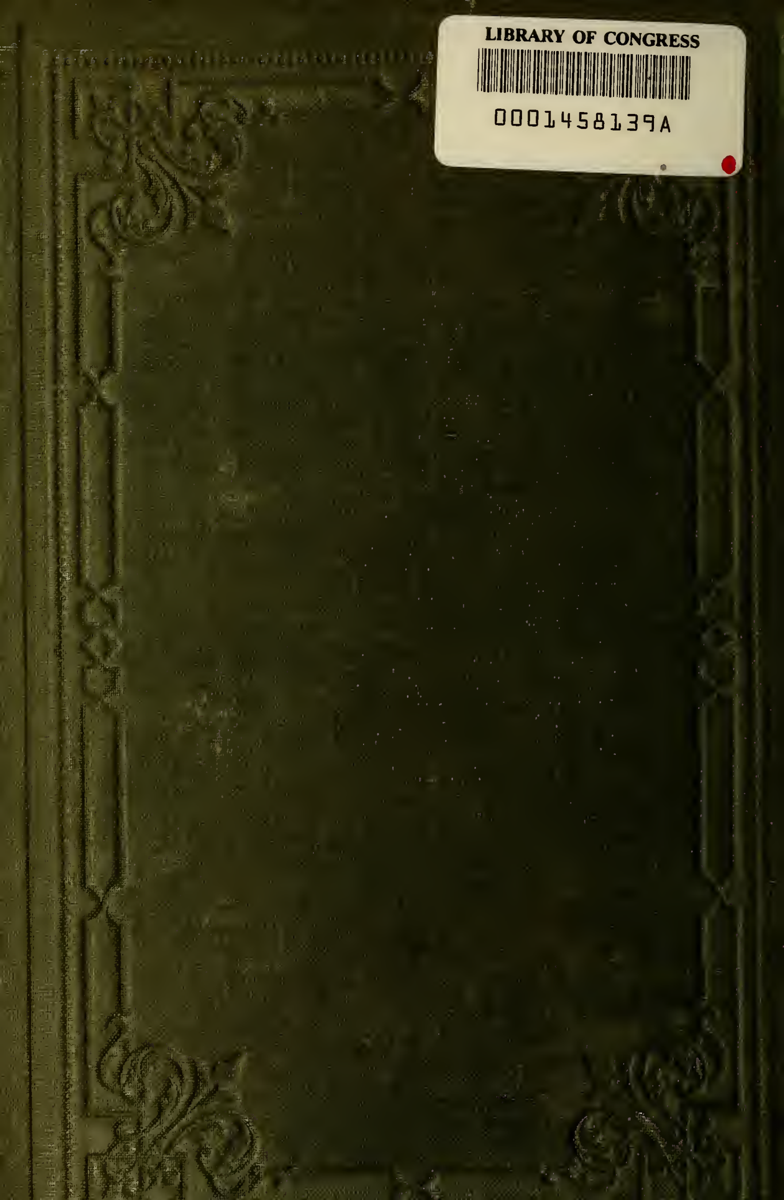
Помочи, видно, тутъ нечего ждать...
Быть тому такъ, что покойника взять.

Бѣлѣетъ снѣгъ въ степи глухой,
Стоитъ на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и старъ и сѣдъ,
Блеститъ на немъ мороза слѣдъ.
Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ.
А глубь небесъ въ огняхъ горитъ;
Вкругъ мѣсяца кольцо лежитъ;
Звѣзда звѣздѣ привѣты шлетъ,
Холодный свѣтъ на землю льетъ.
Въ степи глухой обозъ скрыпитъ;
Передній конь идетъ-храпитъ.
Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,
Съ ума нейдетъ въ селѣ ночлегъ,
Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ,
Теперь его все страхъ беретъ:
Мертвецъ за нимъ въ саняхъ лежитъ,
Живому степь бѣдой грозитъ.
Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
Растетъ сѣдой — и рѣчь ведетъ:
«Мертвецъ въ саняхъ! мертвецъ въ саняхъ!...»
Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
«Товарищи! сюда иди!
Эй, дядя-Петръ! мертвецъ встаетъ!
Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!»
Извощики на кличь бѣгутъ,

О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ.
Блеститъ ковыль, сквозь чуткій сонъ,
Людскую рѣчь подслушалъ онъ....

Вотъ ужь покойникъ въ родимомъ селѣ.
Убранъ, лежитъ на дубовомъ столѣ.
Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь.
«Соколъ мой ясный, скажи что-нибудь!
Ка̀къ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротать,
Горькое горе встрѣчать, провожать!..»
— «Полно, старуха! ей мужъ говоритъ:
Полно, касатка!» — и плачетъ навзрыдъ.
Чу! колокольчикъ звенитъ и поетъ,
Ближе и ближе — и смолкъ у воротъ.
Грозный чиновникъ въ избушку спѣшитъ,
Дверь отворилъ, на порогѣ кричитъ:
«Эй, старшина! понятыхъ собери!
Слышишь, каналья? да живо, смотри!...»
Все онъ провѣдалъ, про все разузналъ,
Доктора взялъ и на судъ прискакалъ.
Трупъ обнажили. И вотъ, въ-торопяхъ,
Въ фартукѣ бѣломъ, въ зеленыхъ очкахъ,
По-локоть докторъ рукавъ завернулъ,
Острою сталью надъ трупомъ сверкнулъ.
Вскрикнула мать: «недадимъ! недадимъ!
Сынъ это мой! не ругайся надъ нимъ!
Сжалься, родной! отступись-отойди!

Мать свою вспомни... во грѣхъ не входи!..»
— «Вывести бабу!» — чиновникъ сказалъ.
Докторъ на трупѣ пятно отыскалъ.
Бѣднымъ извощикамъ сдѣланъ допросъ,
Обнялъ ихъ ужасъ — и кто что понесъ...
Жаль васъ, родимые! жаль, соколы!
«Эй, старшина! подавай кандалы!»

LIBRARY OF CONGRESS
0001458139A